

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-126-131

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА И КУМЫКИ: ОБРАЗЫ И ПРОТОТИПЫ

© Гарун-Рашид Гусейнов, Анна Мугумова

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE OF THE 19th CENTURY AND KUMYKS: IMAGES AND PROTOTYPES

Garun-Rashid Guseinov, Anna Mugumova

In the literature on the issue, the ethnikon Dagestan is traditionally used, which is interpreted as an ethnonym identified with the highlanders of Dagestan. However, the languages of the latter were called Dagestanian only beginning with the second half of the twentieth century. This calls into question the historical subjectivity of the Kumyks who were traditionally called “Dagestan Tatars” as far back as in the 19th century. That is what they are called, along with the Dagestan highlanders-Lezgins, in the “Notes from the House of the Dead” by Fyodor Dostoevsky. Kumyks, under the name of “Tatars”, are also mentioned later - in Leo Tolstoy’s story “The Prisoner of the Caucasus”. A very significant fact is not only the images of the Kumyks in Russian fiction of the time under consideration, but also their historical prototypes’ fame, established by K. Aliyev. These works of fiction include A. Pushkin’s sketches and the plan of the “Romance on the Caucasian Waters” (1831), published in 1881, whose plot was connected with Shah-Vali, the son of Shamkhal of Tarkovsky Mehdi II. Crimea-shamkhal Ummalat-bek Buynaksky, an associate of the first Imam Gazi-Muhammad, was the prototype of the protagonist in A. Bestuzhev-Marlinsky’s story “Ammalat-Bek”. Bela is also considered to be a Kumychka who, together with her brother Azamat, belongs to the central images of M. Lermontov’s story of the same name. K. Aliyev found the Kumyk prototypes of some participants in the battle, to which M. Lermontov dedicated his poem “Valerik” (1842). We also draw attention to the Kumyk prototype of Colonel Khasanov, one of the characters in Leo Tolstoy’s story “The Raid. A Volunteer’s Story”.

Keywords: Russian classical literature of the 19th century, Kumyks, images and prototypes

В литературе по данному вопросу традиционно используется этникон *дагестанец*, который интерпретируется как этноним и идентифицируется с горцами Дагестана. Однако их языки стали именоваться дагестанскими только со второй половины XX века. Тем самым ставится под сомнение историческая субъектность кумыков, которые еще XIX веке традиционно именовались «дагестанскими татарами». Именно так, наряду с дагестанскими горцами-лезгинами, они называются в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевским. Кумыки под названием «татар» упоминаются и в последующее время – в рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Весьма существенным фактом являются не только образы кумыков в русской художественной литературе рассматриваемого времени, но также известность их исторических прототипов, установленных К. М. Алиевым. К их числу относятся опубликованные в 1881 г. наброски и план (1831 г.) «Романа на Кавказских водах» А. С. Пушкина, сюжет которого был связан с Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Крым-шамхал Уммалат-бек Буйнакский, сподвижник первого имама Гази-Мухаммада, был прототипом главного героя повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек». Кумычкой считается и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к центральным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова. К. М. Алиев установил и кумыкские прототипы некоторых участников сражения, которым было посвящено стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1842). Автором данной публикации было обращено внимание на кумыкский прототип полковника Хасанова – одного из действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера».

Ключевые слова: русская классическая литература, XIX век, кумыки, образы и прототипы

Для цитирования: Гусейнов Г.-Р., Мугумова А. Русская классическая литература XIX века и кумыки: образы и прототипы // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 126–131. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-126-131

Проблема, ставшая предметом настоящего исследования, может считаться изученной лишь в литературоведческом отношении, если иметь в виду, что, с этой точки зрения, в число задач входил, с одной стороны, вопрос, связанный с эволюцией принципа изображения характера дагестанского горца в русской литературе, связанный с движением от романтизма и реализму, с другой – в контексте эволюции жанров [1, с. 2–3].

Однако в историко-лингвистическом аспекте, каковой определяет актуальность данного исследования, понятия «*дагестанский* (горец)» и *дагестанец* приобрели нормативный характер позднее XIX века в силу того, что отразились в русских академических словарях лишь советского времени. Термин – «*дагестанский* (горец)» – в 1954 г. (первое издание «Словаря современного русского литературного языка» [2, с. 25], позже (1993 г.) – *дагестанцы* – во втором издании его издания [3, с. 169].

Последнее обозначение не этноним, как это зачастую понимается в пределах Республики Дагестан в обыденном повседневном сознании, но *этникон*, обозначающий лицо в соответствии с местностью, страной, территорией, городом его проживания или происхождения; ср.: *воронежцы*, *новгородцы* и т. п., тем более что его формантом является суффикс *-ец/-инец*, характеризующий лицо в контексте его отношения к мотивирующему слову [4, с. 332].

Показательно, что первые единичные случаи употребления этникона «дагестанец» в русской литературе о Кавказе имели место лишь в первой половине XIX века – в период Кавказской войны (1817–1864), что первоначально имело место в поэме А. И. Полежаева «Чир-Юрт» (1831–1832). Затем в «Письмах» (1836) А. А. Бестужева-Марлинского: «Боюсь, что мой дагестанец слишком дороден для „Телеграфа“»). Следующий «всплеск» его использования имеет место в начале XX века – в романе Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» (1903) («Истребить вы их сможете, если никто не заступится, в Турцию прогнать то же самое можно, но чтобы дагестанец мирно жил рядом с христианином?») и очерке В. В. Вересаева «На японской войне (1907) («Дагестанец совершенно растерялся и неуверенно протянул руку») (см.: [5]).

Для вышеупомянутого комплексного этникона «*дагестанский* (горец)» следует отметить лишь единичный (в первой половине XX века) случай употребления, имевший место в мемуарах И. Л. Солоневича «Россия в концлагере» (1935). Что касается адектива «*дагестанский*», то известны лишь два случая его употребления в

1836 г. – в «Письмах» и повести «Аммалат-Бек» А. А. Бестужева-Марлинского, а также в «Кавказских письмах» 1845–1855 гг. М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. После Кавказской войны – у Н. И. Воронова «Из путешествия по Дагестану» (1870), в дамских романах Л. А. Чарской «Княжна Джаваха» (1903) и «Вторая Нина» (1909), одном из очерков журнала «Русское слово» и дневнике Н. А. Ивановой (Панчулидзева) за 1917 г. Сюда же относятся другие фиксации 1920–30-х гг., включая документальные источники и произведения А. И. Куприна и Вл. А. Гиляровского, разножанровые источники 1950–80-х гг. Очередной всплеск употребления данного адектива начинается в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время (см.: [Там же]).

Героями же подавляющего большинства классических произведений русской литературы XIX века, которые станут предметом последующего рассмотрения, являются кумыки, представляющие элитарную часть этноса рассматриваемого времени, в силу чего у значительного числа их образов обнаруживаются прототипы. При этом вхождение в русское общественное сознание не этникона, как *дагестанец* или *дагестанский горец*, но эндоэтнонима (самоназвания этноса) *кумык(и)* было гораздо более ранним по сравнению с другими народами Дагестана. Об этом говорит то, что данный этноним известен в русской письменной традиции уже в XVI–XVII вв., а с конца XVII в. – и западноевропейской [6].

Выявлены и установлены прототипы данных и иных образов горцев и кумыков, которые в более значительной, чем горцы, степени имеют свои прототипы. Последнее обстоятельство было обусловлено более высоким уровнем общественного развития кумыков, обусловившим достаточно раннее развитие классовой структуры в их обществе и появление у них, в отличие от горцев, соответствующей элиты. Довольно значительная ее часть в ходе Кавказской войны оказалась на русской службе в качестве офицеров и даже генералов, и личности некоторых из них (см. в последующем изложении) стали прототипами отдельных образов русской классической литературы XIX века эпохи Кавказской войны. Это позволило авторам включить в основную цель своего исследования установление не только образов кумыков, известных также в рассматриваемую эпоху под названием дагестанских татар, но и в качестве подчиненной ей задачи прототипы некоторых из них, не только уже известные из трудов исследователей-кумыковедов, но также установленные авторами настоящей публикации и связанные с кавказским творчеством Л. Н. Толстого, составляя тем самым их личный

вклад в рассмотрение соответствующей проблемы.

Этноэтноним *кумык* продолжает в дальнейшем, после XVI–XVII вв., использоваться начиная с XVIII в. Об этом говорит его фиксация в сборниках российских законодательных актов данного времени [7].

И уже в XIX в. он упоминается русскими писателями, побывавшими в Дагестане («Письма из Дагестана» (1831) А. А. Бестужева-Марлинского) [5]) и Засулакской Кумыкии, включенной во второй половине этого века в состав Терской области, в то время как собственно Дагестан, равнинная часть которого была населена кумыками, – в Дагестанскую область. Еще до этого в «Путевых записках» (1818) А. С. Грибоедова упоминается женский вариант данного этнонима – *кумычка* [5], употребленный в очерках «Охота на Кавказе» (1857) Н. Н. Толстого.

Примерно тогда же он приобретает статус *политонима* (в современном понимании – название всех граждан какого-либо государства), отразившись в контексте русско-кумыкских отношений (XVII век), освещенных в исторических сочинениях Н. М. Карамзина (1823) и С. М. Соловьева (1859). Он окончательно закрепляется в 1864 году в одном из энциклопедических словарей второй половины XIX века [8, с. 1837].

Кумыки также именовались в русской традиции «татарами», как и все тюркоязычные народы (ср. крымские, казанские, сибирские татары). Затем они именуются «дагестанскими татарами», в отличие, например, от соседних азербайджанских татар, которые называются в настоящее время просто азербайджанцами. Термин «дагестанские татары» был более книжным и приобрел в дальнейшем, до советского времени, традиционный характер. Причина заключалась в действии научной традиции рассматриваемой эпохи, согласно которой тюркские языки именовались «турецко-татарскими».

Не случайно, надо полагать, Ф. М. Достоевский в число героев своих «Записок из Мертвого дома» (1861–1862 гг.), посвященных пребыванию на каторге в Сибири, включает «кавказских горцев» – «черкесов». В их числе им упоминаются «трое *дагестанских татар*», которые, как полагает один из исследователей, были кумыками. Автор же указывает на то, что «дагестанские татары ... были родные братья», и выделяет среди них младшего Алея (ср. кум. личное имя *Алявдин/Алевдин*), который выучился «прекрасно говорить по-русски» (см.: [9]).

Показательно, что (см. и в предшествующем изложении) этноним *кумык* употребляется в русской литературе более ранней эпохи, но лишь в

составе дагестанских топонимов произведений А. А. Бестужева-Марлинского – в «Аммалат-Беке» (1831), когда упоминается <кумыкское> селение Кяфир-Кумык», и «Мулле-Нуре» (1836) с называемым в нем <лакским> селением *Кази-Кумык* (см.: [5]). В простонародном же дискурсе для кумыков и других собственно дагестанцев – носителей соответствующих языков – использовался вышеупомянутый этноним *татары*, как, например, в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (1873 г.) [10, с. 314, 315, 322, 325, 327, 313, 315].

В то же время кумыки, также именуемые «татарами», известны в качестве героев одного из произведений Л. Н. Толстого – «Кавказский пленник» (1872 г.). Их именник связывается с главным кумыкским государственным образованием – шамхальством Тарковским, учитывая его национальный состав, что позволяет отождествить его с жителями этого государства. В качестве подтверждения данного положения имеются антропонимические данные, характерные для дагестанских, но не чеченских и кабардинских имен. Речь при этом идет об Абдул-Мурате, Кази-Мугамеде, Дине – дочери Абдул-Мурата. В свою очередь, имя Дина кумыкское и представлено среди других тюркских народов, а Абдул-Мурат не отмечено в дагестанском антропонимиконе, при том что имя Кази-Мугамед имеет аварское звучание. Использование же этнонима «татары» могло быть обусловлено и тем, что рассказ был предназначен для детей (см.: [11, с. 202–211]).

Известно и то, что Л. Н. Толстой был студентом Казанского университета, изучавшим турецко-татарские языки на соответствующем факультета, в период своего пребывания на Северном Кавказе (1851–1853 гг.) овладел кумыкским и ногайским языками [12, с. 337]. Они функционировали здесь как до, так и после эпохи Кавказской войны в качестве основных коммуникативных средств в регионе Северного Кавказа и Дагестана. Это их знание отразилось в творчестве Л. Н. Толстого, связанном с Кавказом.

В отношении кумыкских прототипов следует отметить, что первым подобным произведением является «Роман на Кавказских водах» А. С. Пушкина, наброски и план которого, относящиеся к 1831 г., были опубликованы в 1881 г. (см.: [13]). В них отражаются события, имеющие отношение к княжне Алине (Александре) Александровне Римской-Корсаковой. Она в 1827–1828 годах ездила на воды, и какой-то «магометанский князек с Каспийского моря» сватался к ней [14, с. 91–92].

По мнению К. М. Алиева, сюжет связан с кумыком Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Он учился в 1830 г. в Царскосельской Гвардейской школе подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и в числе его сокурсников были будущие поэт М. Ю. Лермонтов и фельдмаршал князь А. Барятинский, пленивший в 1859 г. имама Шамиля. В числе учеников были также князь Д. Чавчавадзе, барон А. Розен и многие другие потомки знаменитых княжеских и дворянских родов России (см.: [15]).

Еще одним кумыком, одним из героев русской классической литературы XIX века и прототипом повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831), являлся претендент на престол шамхала, владетеля Дагестана, крым-шамхал Уммалат-бек из кумыкской исторической области Бойнак/Буйнак в южном Дагестане. Он был сподвижником Гази-Мухаммада, ставшего первым имамом, вождем восстания. В 1828 г. Уммалат-бек бежал в турецкие пределы, где погиб в Анапе, в 1829 г., когда эта крепость была взята русской армией.

Общеизвестно, что кумычкой является и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к центральным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова (1838). Ее кумыкское происхождение было убедительно доказано Р. Ф. Юсуфовым (см.: [16]).

Кроме того, К. М. Алиев обратился к известным строкам стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840, оп. 1842), которое было посвящено знаменитому сражению эпохи Кавказской войны, имевшему место в нынешней Чечне на реке, носившей данное название. Его участниками, наряду с М. Ю. Лермонтовым, который был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени, с бантом, а затем орденом Станислава 3-й степени (но не утверждено царем), были и кумыкские офицеры русской службы – дети генерал-майора Мусы-Хасаева корнеты Хасай и Султан-Мурад Уцмиевы, а также корнет Абу-Муслим Капланов (см.: [17]). Причем, как отметил К. М. Алиев еще в одной своей работе, «мирный татарин, совершающий намаз», в этом стихотворении является кумыком [18, с. 76].

В свою очередь, вышеупомянутого Хасайхана (Хасайбека) Уцмиева следует считать прототипом полковника Хасанова, который является одним из эпизодических действующих лиц, упомянутых в первом кавказском рассказе Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» (1852, оп. 1853). Этот рассказ был посвящен набегу русских войск (из притеречного укрепления близ кумыкского селения Старый Юрт через крепость Грозную) на аул горцев в Чечне (см.: [19]).

Заключение

До последнего времени в литературе исследователи, говоря о героях русской классической литературы, связанных с Дагестаном, используют этникон (о характере обозначения лица в соответствии данным понятием см. в предшествующем изложении) *дагестанец*. Последний обычно интерпретируется в повседневной практике, во-первых, как этноним и, во-вторых, идентифицируется с дагестанскими горцами. Их языки лишь со второй половины XX века стали именоваться дагестанскими, называясь до этого лезгинскими. Носители же местных тюркских языков, в частности кумыки, при такой трактовке в какой-то мере лишаются своей субъектности, хотя в соответствии с русской дореволюционной традицией XIX века были известны как «дагестанские татары».

Именно они упоминаются у Ф. М. Достоевского в «Записках из Мертвого дома», когда он называет в числе действующих лиц двух лезгин, под которыми следует понимать дагестанских горцев, а также одного чеченца и троих *дагестанских татар* – кумыков. Обращает на себя внимание и то, что включает в число своих любимых героев младшего из них – Алея. Не случайно, как было показано в предшествующем изложении, кумыки под названием «татар» стали героями знаменитого рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник».

Возможно, этому способствовало изучение автором рассказа турецко-татарского языка в Казанском университете, а также последующее овладение им в период пребывания на Северном Кавказе кумыкским и ногайским языками, бывшими в это время языками межэтнического общения в регионе. Их знание отразилось в творчестве Л. Н. Толстого, связанного с Кавказом.

Весьма существенным обстоятельством являются в рассматриваемом отношении не только образы кумыков в русской художественной литературе, но также известность их исторических кумыкских прототипов, установленных кумыкским ученым-историком и общественным деятелем К. М. Алиевым. К их числу относятся опубликованные в 1881 г. наброски и план 1831 г. «Романа на Кавказских водах» А. С. Пушкина, сюжет которого был связан с Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Крым-шамхал Уммалат-бек Буйнакский, сподвижник первого имама Гази-Мухаммада, был прототипом главного героя повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831).

Кумычкой считается и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к централь-

ным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова (1838). К. М. Алиев выявил и кумыкские прототипы некоторых участников сражения, которым было посвящено стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1842). Одним из авторов данной публикации был установлен и кумыкский прототип полковника Хасанова, относящегося к числу эпизодических действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» (1853) эпохи Кавказской войны в Чечне.

Список источников

1. Ханмурзаев Г. Г. Дагестан в русской литературе XIX века: (Проблема национального характера): автореф. дис. ... докт. филол. наук: М., 1990. 35 с.
2. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.
3. Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е. М., 2005. Т. 4. 573 с.
4. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. 789 с.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения: 26.04.2023).
6. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К истории отражения концептов «Дагестан», «дагестанцы», «(дагестанские) татары» и «кумыки» в русской и западноевропейских языковых картинах мира до начала XIX века // Материалы Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казань, 2008. Ч. 2. С. 64–67.
7. Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
8. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1950. Т. 5. С. 1837.
9. Мугумова А. Л. Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», Дагестан и «дагестанский татарин» Алей в этноисторическом контексте русской художественной литературы о Кавказской войне // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 4 (35). С. 46–49.
10. Дагестан в русской литературе. Дореволюционный период. Махачкала, 1960. Т. I. С. 283.
11. Мугумова А. Л. Ориентализмы «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в сравнительном освещении: традиции и инновации // Материалы XXXV Международных Толстовских чтений «Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах». Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2016. С. 202–211.
12. Кононов А. Н. Изучение тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.
13. Пушкин А. С. Роман на Кавказских водах. URL: <http://www.pushkin.niv.ru/pushkin/text/nakavkazskih-vodah.htm> (дата обращения: 26.04.2023).

14. Измайлов П. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/s37/s372068-.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
15. Алиев Камиль. Герой «Романа на Кавказских водах». Шах-вали Тарковский. Неизвестные страницы дагестанской историко-литературной Пушкиниады // А. С. Пушкин. Восток. Кавказ. Дагестан. К 200-летию поэта. Махачкала, 1999. С. 123–127.
16. Юсуфов Р. Ф. Где происходит действие «Бэлы» Лермонтова? (фрагмент статьи «Лермонтов и Дагестан», 1964 г.) // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XII (серия филологическая). Махачкала, 1964. С. 107–146.
17. Алиев К. М. Михаил Лермонтов и его кумыкские сослуживцы-участники сражения 1840 года на реке Валерик // Ёлдаш от 18.07.2014.
18. Алиев К. М. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Махачкала, 2010. 274 с.
19. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О возможном прототипе одного из эпизодических действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег». Генерал Хасайхан (Хасайбек) Уцмиев и его судьба // Толстовский сборник – 2012. Тула, 2012. С. 109–113.

References

1. Khanmurzaev, G. G. (1990). *Dagestan v russkoi literature XIX veka: (Problema natsional'nogo kharaktera): avtoref. dis. ...dokt. fil. nauk* [Dagestan in Russian Literature of the 19th Century: (The Problem of National Character): Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 35 p. (In Russian)
2. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1954) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. М.-Л., Т. 3, p.25. Тt.1-17 Moscow, izd. AN SSSR. (In Russian)
3. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1993) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Izd. 2-e. М. Т. 24. (In Russian)
4. *Russkaya grammatika* (1980) [Russian Grammar]. Т. I, p. 332 Moscow, Nauka. (In Russian)
5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
6. Guseinov, G.-R. A.-K. (2008). *K istorii otrazheniya kontseptov "Dagestan", "dagestantsy", "(dagestanskie) tatary" i "kumyky" v russkoi i zapadnoevropeiskikh yazykovykh kartinakh mira do nachala XIX veka* [On the History of the Concepts "Dagestan", "Dagestanians", "(Dagestan) Tatars" and "Kumyks" Reflection in Russian and Western European Linguistic Pictures of the World until the Beginning of the 19th Century]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Yazykovaya semantika i obraz mira"*. Ch. 2, pp. 64–67. Kazan'. (In Russian)
7. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the 18th Century Russian Language]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)

8. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1950) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. M.-L. T. 5, p. 1837. (In Russian)
9. Mugumova, A. L. (2011). *F. M. Dostoevskii, "Zapiski iz Mertvogo doma", Dagestan i "dagestanskii tatarin" Alei v etnoistoricheskom kontekste russkoi khudozhestvennoi literatury o Kavkazskoi voine* [F. M. Dostoevsky, "Notes from the House of the Dead," Dagestan and the "Dagestan Tatar" Alei in the Ethnohistorical Context of Russian Fiction about the Caucasian War]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 4 (35), pp. 46–49. (In Russian)
10. *Dagestan v russkoi literature. Dorevoliutsionnyi period* (1960) [Dagestan in Russian Literature. Pre-Revolutionary Period]. T. 1, p. 283. Makhachkala. (In Russian)
11. Mugumova, A. L. (2016). *Orientalizmy "Kavkazskogo plennika" L. N. Tolstogo, A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova v sravnitel'nom osveshchenii: traditsii i innovatsii* [Orientalisms of "The Prisoner of the Caucasus" by L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov in Comparative Light: Traditions and Innovations]. *Materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii "Dukhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh"*. Pp. 202–211. Tula, izdatel'stvo TGPU im. L. N. Tolstogo. (In Russian)
12. Kononov, A. N. (1982). *Izucheniye tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktiabr'skii period* [Turkic Languages Studies in Russia. Pre-October Period]. Leningrad. (In Russian)
13. Pushkin, A. S. *Roman na Kavkazskikh vodakh* [A Romance at the Caucasian Waters]. URL: <http://www.pushkin.niv.ru/pushkin/text/na-kavkazskikh-vodah.htm> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
14. Izmailov, P. "Roman na Kavkazskikh vodakh". *Nevypolnenniy zamysel Pushkina* ["A Romance at the Caucasian Waters". Pushkin's Unfulfilled Plan]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/s37/s372068-.htm>. (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
15. Aliev, Kamil'. (1999). *Geroi "Romana na Kavkazskikh vodakh". Shakh-vali Tarkovskii. Neizvestnye stranitsy dagestanskoi istoriko-literaturnoi Pushkiniady* [The Protagonist of "The Romance at the Caucasian Waters". Shah Wali Tarkovsky. Unknown Pages of the Dagestan Historical and Literary Pushkiniada]. A. S. Pushkin. Vostok. Kavkaz. Dagestan. K 200-letiyu poeta. Pp. 123–127. Makhachkala. (In Russian)
16. Yusufov, R. F. (1964). *Gde proiskhodit deistvie "Bely" Lermontova? (fragment stat'i "Lermontov i Dagestan", 1964 g.)* [Where does Lermontov's "Bela" Take Place? (a fragment of the article "Lermontov and Dagestan", 1964)]. *Uchenye zapiski IIIaL Dag. FAN SSSR*. T. XII (seriya filologicheskaya). Pp. 107–146. Makhachkala. (In Russian)
17. Aliev, K. M. (2014). *Mikhail Lermontov i ego kumykskie sosluzhivtsy-uchastniki srazheniya 1840 goda na reke Valerik* [Mikhail Lermontov and His Kumyk Colleagues Who Took Part in the 1840 Battle on the Valerik River]. *Eldash* ot 18.07. (In Russian)
18. Aliev, K. M. (2010). *Kumyki v voennoi istorii Rossii (vtoraya polovina XVI – nachalo XX vv.)* [Kumyks in the Military History of Russia (the second half of the 16th– early 20th centuries)]. Makhachkala. (In Russian)
19. Guseinov, G.-R. A.-K. (2012). *O vozmozhnom prototipe odnogo iz epizodicheskikh deistvuiushchikh lits rasskaza L. N. Tolstogo "Nabeg". General Khasaikhhan (Khasaibek) Utsmiev i ego sud'ba* [About a Possible Prototype for One of the Episodic Characters in Leo Tolstoy's Story "The Raid." General Khasaikhhan (Khasaybek) Utsmiev and His Fate]. *Tolstovskii sbornik*, pp. 109–113. Tula. (In Russian)

The article was submitted on 05.11.2023
Поступила в редакцию 05.11.2023

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович,
доктор филологических наук,
профессор,
Дагестанский федеральный университет,
367000, Россия, Махачкала,
Гаджиева, 43а.
garun48@mail.ru

Мугумова Анна Львовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
367000, Россия, Махачкала,
Ярагского, 57.
garun48@mail.ru

Guseinov Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Dagestan State University,
43a Gadzhiev Str.,
Makhachkala, 367000, Russian Federation.
garun48@mail.ru

Mugumova Anna Lvovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University,
57 Yaragskii Str.,
Makhachkala, 367000, Russian Federation.
garun48@mail.ru